

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*В этом музее мы открыли
для москвичей весь мир.*

И. Цветаев

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
СЕРГЕЙ АПОДОН

A black and white portrait of a man with a mustache and glasses, wearing a dark military uniform with a sash and several medals on his chest. He is standing in front of a classical building with columns.

*Я отведу
тебя
в музей*

*История создания Музея изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина*

**Коллектив авторов
Сергей Алдонин
«Я отведу тебя в музей».
История создания
Музея изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина
Серия «Культурный слой»**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69271627*

*«Я отведу тебя в музей». История создания Музея изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00180-992-0*

Аннотация

Как создавался музей Изящных искусств – нынешний Пушкинский, ставший заповедником мировой культуры в центре старой Москвы? Эта книга – о том, как складывался замысел уникального музея, как строилось неповторимое здание на Волхонке, как неутомимый профессор Иван Цветаев по крупинкам собирал музейную коллекцию, как он обивал пороги меценатов и государственных сановников. Как его наследники превратили

Пушкинский в один из величайших музеев мира, без которого невозможно представить культурную жизнь страны.

Содержание

Арсений Замостьянов	7
Зинаида Волконская, Степан Шевырев	26
Михаил Погодин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Иван Цветаев, Зинаида
Волконская, Степан
Шевырёв, Михаил Погодин,
Василий Розанов, Марина
Цветаева, Анастасия
Цветаева, Евгений
Александров, Борис Виппер
«Я отведу тебя в музей»
История создания Музея
изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина**

*** * ***

© Алдонин С., 2023

© ООО «Вершины», 2023

Арсений Замостьянов

Как европейское искусство поселилось в Москве

Больше 110 лет назад, 13 июня 1912 года, в Москве звучали приветственные речи и гремели оркестры. И не потому, что начиналось лето и цвела сирень. В новом доме с античными колоннами и стеклянной крышей открылся Музей изящных искусств имени императора Александра III, ныне – музей Изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В Москве появилось пространство культуры, которое можно с наслаждением разгадывать годами. Не любить Пушкинский музей невозможно – это целый мир, великолепный заповедник мирового искусства на старинной московской улочке. Самое время вспомнить, с чего всё начиналось.

Илл.1. Открытие Музея изящных искусств

Надежды княгини

Идея создания при Московском университете Эстетического музея возникла еще в начале 1830-х, в кругу княгини Зинаиды Волконской, хозяйки знаменитой московской гостиной, в которой бывали и Александр Пушкин, называвший ее «царицей муз и красоты», и Адам Мицкевич, и Карл Брюллов... Она любила и знала живопись, бывала в лучших итальянских музеях. Влюбленный в нее поэт Дмитрий Веневитинов воспевал ее как женщину, в которой соединились

Италия и Россия:

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!

Волконскую поддержал (а, может быть, и внушил ей эту мысль) университетский декан, талантливый историк литературы Степан Шевырев. В 1831 году в журнале «Телескоп» они опубликовали подробный проект будущего хранилища древностей, которое так необходимо москвичам. Волконская и Шевырев замыслили музей, который «должен в миниатюре представить все сокровища искусства и древности». Княгиня нашла и звучное определение: «Музей изящных искусств». Белокаменной не хватало именно такого храма знаний. Московский университет считался (и был!) лучшим в России, но студентам негде было познакомиться с мировым искусством. Увы, университетское руководство проект не поддержало: попросту не хватало финансов. Волконская надеялась «положиться на щедрость вельмож, известных своей любовью к искусству», но не сумела найти поддержки даже у самых щедрых меценатов.

Но собрание копий античных статуй и ваз в университете со временем всё-таки появилось. Их заказывали в Петер-

бурге и в Италии профессора Павел Леонтьев и Карл Гёрц. Правда, ютились они в тесноватом помещении – в двух комнатах бывшего университетского больничного корпуса на Большой Никитской.

Мечта профессора Цветаева

Ключевую роль в создании Музея сыграл Иван Владимирович Цветаев – сын сельского священника замечательный учёный, специалист по римской словесности и искусству, хранитель древностей по призванию. Настоящий подвижник, которому во всех начинаниях помогали его замечательные дочери – Марина и Анастасия, чьи воспоминания, удивительно зоркие, вошли в книгу, которую вы держите в руках.

В 1893 году профессор Цветаев решил превратить скромную университетскую коллекцию в музей, достойный первопрестольной столицы. Правда, его первый замысел выглядел относительно скромно – собрание античного искусства. Но и это требовало затрат не только на строительство нового здания, но и на покупку множества макетов, копий, реликвий, рисунков. Впрочем, очень скоро стало ясно, что экспозицию нужно дополнить египетским, ассирийским искусством, наконец, шедеврами Ренессанса, а это уже грандиозный проект, потребовавший не менее грандиозных усилий. Профессор Цветаев мечтал о музее, который стал бы «наглядной хрестоматией по истории мировой скульптуры и архитектуры». Он проникал в высокие кабинеты, выступал на съезде русских художников – и постоянно убеждал коллег, чиновников, художников, вельмож, что Москве остро необходим музей, в котором бы в историческом порядке были представлены судьбы искусств у древних и новых народов.

Конечно, он ничего не сумел бы сделать без помощи меценатов. Кто только не принял участие в этом славном начинании с самого начала. Знаменитый просвещенные купцы-коллекционеры Козьма Терентьевич Солдатенков и Павел Михайлович Третьяков, основатель Кустарного музея в Москве Сергей Тимофеевич Морозов, гравёр и собиратель редких гравюр Николай Семенович Мосолов, московский банкир

Лазарь Соломонович Поляков. Одной из первых в ряду благотворителей, которых Цветаев увлёк своими идеями, стоит фамилия купеческой вдовы Варвары Андреевны Алексеевой, пожертвовавшей на создание музея 150 тысяч рублей в 1895 году – с одним условием. Музей должен был носить имя покойного императора Александра III. Цветаев сразу понял, что это не просто блажь сентиментальной старушки. Посвящение самодержцу повышало статус начинания и, конечно, обязывало императорскую семью помогать музею. Правда, его имя уже носил петербургский музей русской живописи, основу которого составила коллекция, которую царь собирал десятилетиями по своему вкусу. Для Александра III искусство действительно была отдушиной – и, прежде всего, отечественное. Но его сыну, Николаю II, нравилось, что в обеих столицах появятся галереи, посвящённые царю-миротворцу. Не всё шло гладко: некоторые благотворители, негативно относившиеся к Александру III, стали меньше помогать начинаниям Цветаева. Самый яркий пример – Солдатенков. Но для большинства «сильных мира сего» имя императора звучало притягательно.

Великий князь

Председателем Комитета по созданию музея Изящных искусств стал великий князь Сергей Александрович – московский генерал-губернатор. Он собирал древнегреческие ста-

туэтки, и Цветаев увлекательно рассказывал ему о них. А, между делом, заинтересовал музейным начинанием. Великий князь, согласившись возглавить Комитет, сразу отверг идею строить музейное здание «на задворках университета». По его настоянию Московская городская дума безвозмездно передала для музея территорию заброшенного царского Колымажного двора – на старинной Волхонке, в историческом центре Москвы. Там совсем недавно снесли тюремный каземат и собирались строить грандиозный манеж, но цветаевский замысел показался великому князю интереснее. Очень скоро городская дума подтвердила его решение – передать Колымажный двор для строительства университетского музея. Провели и архитектурный конкурс, который выиграл Роман Клейн, умевший со вкусом и размахом переосмысливать градостроительные идеи классической древности. В августе 1898 года состоялась торжественная церемония закладки музейного здания – в присутствии молодого императора Николая II.

Илл.3. Греческий зал

Электричество в экспозиционные залы не проводили. Считалось, что осматривать музей следует при естественном освещении, и открыт он будет только в светлое время суток. Клейновскому дворцу искусств требовалась сложная система освещения. Инженер Владимир Шухов создал проект внутренних коммуникаций музея – уникальных трехуровневых стеклянных перекрытий, через которые в огромный дом с колоннами проникало солнце. А над парадной лестницей

работал Иван Жолтовский – в то время еще молодой архитектор, а в будущем – настоящий мэтр московского зодчества.

Великий князь предложил, планируя экспозицию, не забыть об истории зодчества. Так были созданы впечатляющие макеты исторических храмов и чертогов. Вместе с братом Павлом Сергей Александрович пожертвовал 30 тысяч на строительство зала Парфенона, посвященного великому Фидию – любимому скульптору Цветаева. Но главное, что участие генерал-губернатора в Комитете открывало перед создателями музея все двери. До открытия музея Сергей Александрович не дожил: он погиб от бомбы террориста в феврале 1905 года. После ухода великого князя замену ему искать не стали, пост председателя Комитета оставался вакантным.

Презренный металл

Финансирование строительства курировал владелец стекольных заводов в Гусь-Хрустальном Юрий Нечаев-Мальцов. Именно он приобрел для музея первые экспонаты – оригинальные памятники искусства и культуры Древнего Египта. Понравилась стекольщику и дерзкая идея Цветаева и архитектора Клейна – придать музейному зданию такой вид, чтобы оно само воспринималось как экспонат, который хочется разглядывать. Музей должен был напоминать античный храм с колоннадой, как в афинском Эрехтейоне – и в

то же время, дворец эпохи Возрождения. Белый мрамор доставляли с Урала и из Венгрии. А еще надо было создать копии мозаичных панно собора Святого Марка в Венеции. Строительство затянулось на 13 лет, и Нечаев-Мальцов вложил в него два миллиона рублей. Даже в 1905 году, когда его заводы бастовали, меценат ни на рубль не уменьшил финансирование музейного строительства.

Но одних стараний Нечаева-Мальцова не хватало. Цветаев славился фантастическим талантом добывать деньги в самой отчаянной, бесперспективной ситуации. После очередного похода в правительство он писал: «Витте мне грубо и надменно отказал во всякой поддержке Музею, сказавши, что „народу нужны хлеб да лапти, а не ваши музеи“». Казалось бы, дело безнадежное. Но ниже следует приписка: «После многочисленных переговоров Витте согласился лишь на 200 т.р.». Кому ещё удавалось так «поднажать» на экономного председателя Совета министров? По характеру – мягкий и бесконфликтный, Цветаев превращался в сталь, когда речь шла о помощи его детищу, которому профессор посвящал всё своё время. Несмотря на скуповатость правительства, он добился и ежегодных крупных государственных субсидий (по 10 тысяч рублей) на приобретение научных и художественных предметов.

С миру по лепте

В новом музее нашли приют вещицы из Кабинета изящных искусств и древностей Московского университета – слепки, античные вазы, монеты. Цветаев дополнил коллекцию Леонтьева и Гёрца множеством новых замечательных копий – с античных, египетских, ассирийских, ренессансных оригиналов.

Музей заполучил всемирно известную коллекцию египтолога Владимира Голенищева – более шести тысяч реликвий и сплошь – бесценные оригиналы. Снова помогла цветаевская настойчивость. Голенищев продал свою коллекцию государству в рассрочку, решение о ежегодных выплатах за коллекцию принимала Дума. И египетские реликвии, конечно, пребывали в столице, в Петербурге, в Эрмитаже. Но Цветаеву удалось убедить правительственных мужей, что в Москве вот-вот откроется музей, которому эти бесценные черепки нужнее.

Илл.4: Зодчий Роман Клейн

Дипломат Михаил Щекин пожертвовал новому музею свою коллекцию итальянской живописи и различных европейских диковин. Великая княгиня Елизавета Федоровна и сын знаменитого славянофила Дмитрий Хомяков подарили Музею первые подлинные итальянские скульптуры XVI–XVII веков. Археолог Алексей Бобринский (кстати, праправнук Екатерины Великой и графа Григория Орлова) передал Цветаеву свою коллекцию старинного французского художественного литья.

Замечательную реплику Пергамского алтаря создали под руководством архитектора Фёдора Шехтеля и на его деньги. Александра Подгородецкая, дочь знаменитого доктора Григория Захарьина, который, кстати, лечил Александра III, оплатила оформление зала скульптур эпохи Возрождения с микеланджеловским Давидом, который навсегда стал одним из символом музея. Случались и отказы. Запомнились слова Марии Фёдоровны Морозовой, хозяйки знаменитого купеческого дома: «Мы из мужиков. Музейное дело – это не наше». Но недостатка в благотворителях Комитет не испытывал. Очень многие считали за честь помогать такому замечательному начинанию.

«В наш с Вами Музей изящных искусств после станут приходить все... и здесь найдет из них каждый и внутреннее успокоение, и поученье, неизменно изливаемое произведе-

ниями науки и искусства. Тут не будет ни правых, ни левых, там будут только наслаждающиеся и просвещаемые», – мечтал Цветаев. Так и случилось.

Праздник на Волхонке

Открывали музей 31 мая (13 июня по новому стилю) 1912 года. К этому дню успели даже подготовить каталог «Памятники Музея изящных искусств им. императора Александра III» с научным описанием экспонатов.

Первым посетителем ещё не открывшегося музея стал истопник Алексей. Возможно, это легенда, но слишком красивая, чтобы мы о ней забыли. Ведь в начале XX века считалось, что музеи предназначены не для простолюдинов, а только для «чистой публики».

Церемонию запечатлели кадры кинохроники. В исполнении сводного хора московских музыкальных училищ прозвучала кантата, которую сложил в честь музея композитор Михаил Ипполитов-Иванов. Был веский повод для фанфар, для праздника – самое грандиозное событие в культурной жизни 1910-х. Открывал музей сам император. Перед первыми посетителями открылось нечто небывалое. 22 больших зала, заполненные скульптурами, макетами, археологическими находками, 2 кабинета и 2 дворика. Экспозиций такого масштаба музейная Москва не знала. Вместе с царской семьей на Волхонку прибыли десятки вельмож, генералов,

ученых. «Старики, старики, старики. Ордена, ордена, ордена. Ни лба без рытвин, ни груди без звезды. Мнится, что сегодня вся старость России притекла сюда на поклон вечной юности Греции. Живой урок истории и философии: вот что время делает с людьми, вот что – с богами. Вот что время делает с человеком, вот что (взгляд на статуи) – с человеком делает искусство», – таким запомнился этот день Марине Цветаевой.

Её отец, конечно, стал первым директором музея. Посетители как будто перемещались во времени, из эпохи в эпоху. Античность в те времена изучали серьёзно – и в гимназиях, и в университете. Конечно, музей заинтересовал не только студентов. Летом его залы посещали только учащиеся и ученые, а 1 сентября двери дома на Волхонке открылись для всех неравнодушных, и до зимы его посетили 60 тысяч человек. Экскурсии вели студенты и профессора – как-никак, музей считался университетским! Он удивлял и восхищал. В его стенах слышался колокольный звон с древней Соборной площади. На Волхонке, в двух шагах от московского Кремля, москвичам назначили встречу великие эпохи мирового искусства. Это, пожалуй, самое европейское место в Москве и в то же время – истинно московский музей. Как был настоящим москвичом его основатель, Иван Цветаев.

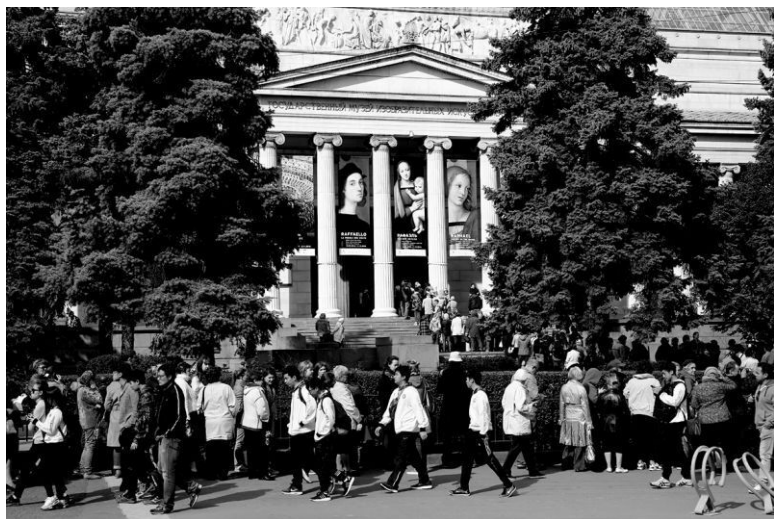

Илл.5. Легендарные копии античных статуй

Он ушёл из жизни через полтора года после открытия музея – осенью 1913 года, в 66 лет. Исполнилась мечта Цветаева – и оказалось, что профессор отдал все силы своей мечте. Незадолго до смерти он сказал одному из своих учеников: «Я сделал всё, что мог». Основоположника в музее никогда не забывали. Его просто невозможно забыть. И дело не в мемориальной доске, на которую трудно не обратить внимание при входе в музей. Там жив его дух.

Москва получила невиданный музей и центр исследова-

ния истории искусств на все времена, который с первых дней существования славился не только продуманной экспозицией, но и просветительскими, лекционными программами. В его залах трудно не подпасть под обаяние мировой культуры – разнообразной и загадочной, но бессмертной. Клейновский храм-дворец стал центром притяжения для всех, кому дорого искусство и просвещение. А сколько будущих ученых, художников, писателей, в детские годы посетив музей на Волхонке, впервые прониклись своим будущим призванием. И, проникнувшись историей и искусством, немедленно стали искать книги о Древней Греции и Риме, о европейском Средневековье...

Илл.6. Лучшая в мире очередь – в музей

Потом, после 1917 года, дом на Волхонке получит импрессионистов и не только, получит уникальное собрание зарубежной живописи – из упразднённого румянцевского музея, из частных коллекций – Рембрандта, Рубенса, Боттичелли, Дега... Получит имя Пушкина – русского гения со «всемирной отзывчивостью». Но это уже другая история.

В этой книге собраны свидетельства тех, кто создавал музей – начиная с давнего замысла Волконской и Шевырёва. Вам откроется галерея замечательных людей – настоящих подвижников Просвещения. Они создавали дом на Волхонке, ставший для многих из нас истинным университетом и вечным центром притяжения. Так замыслили создатели музея Изящных искусств, так сложилась его судьба в советские времена.

Арсений Замостьянов,

заместитель главного редактора журнала «Историк»

**Зинаида Волконская,
Степан Шевырев
Проект эстетического
музея при Императорском
Московском Университете**

Мы, Русские, с удовольствием замечаем, что Изящныя Искусства, благодаря попечениям Правительства, глубоко вкоренились у нас и принесли плоды, дающие нам право и в сей отрасли просвещения войти в достойное состязание с другими народами. Художники Русские со славою вознаграждают пожертвования и оправдывают ожидания Монарха и Отечества. Но желательно бы было, чтоб Изящныя Искусства не ограничивались одними мастерскими художников, но вошли бы непосредственно в круг общественного воспитания и образовали бы в народе чувство эстетическое. Сей цели невозможно достигнуть, не имея перед очами лучших произведений резца, кисти и циркуля.

Илл.7. Зинаида Волконская

Петербург богат сими способами: в Эрмитаже, Академии Художеств, во многих частных галлерейх, между сокровищами оригинальными, изящные слепки и копии могут дать понятие об искусстве всякому, желающему прони-

кать в его тайны. Москва, за исключением некоторых частных галл ерей, отдаленных от города, как то: Князя Юсупова в Архангельском и Графа Шереметева в Останькове, не имеет сих сокровищ. Предмет сего проекта пособит недостатку и, с одобрения Высшаго Правительства, в Москве, под непосредственным ведомством Императорскаго Московскаго Университета, если он благоволит изречь на то свое согласие, основать Эстетический музей или полное собрание гипсовых слепков, а по возможности и мраморных копий, с лучших и замечательнейших произведений Ваяния древняго, средняго и новаго; копий с отличных картин разных школ классической Живописи и, наконец, моделей со всех славнейших памятников Архитектуры, древностью и средними веками потомству завещанных. К сему со временем присоединятся и модели разных утварей древней жизни, образцы коих с такою роскошью представляются нам в Музее Неаполитанском. Одним словом, оный Музей должен в миниатюре представить все сокровища искусства и древности.

Нужно ли доказывать пользу такого заведения? Вспомним только следующее: для неимущих средства посетить края Италии оно заменит невозможную пользу и наслаждение; для имущих послужит всегдашним приятным воспоминанием; кафедра Эстетики и Древностей в Московском Университете оживится, когда перед очи слушателей сойдет великолепный Олимп, и все здания, утвари, все наследие древней жизни предстанет не в неясных словесных описаниях, а

в живых моделях; вкус изящного, который, при благотворном свете наук, разливается быстро по нашему отечеству, получит новую пищу; артисты Московского Театра здесь научатся грации и величию положений, а прочие художники, к оному принадлежащие, как то: декораторы и костюмеры, здесь найдут верные модели для сцены. Но можно ли истощить когда-нибудь пользу и удовольствие, от такого заведения произойти имеющие?

Уверившись, что всякой живо убежден в оных, приступим к плану Музея и теснейшему определению границ, необходимых для начатия онаго, а потом представим возможность исполнения и пособия, для того нужные.

Поелику гипсовые слепки со статуй не требуют такого труда и таких издержек, с какими сопряжены копии живописные, то, пока, ограничимся только определением статуй и моделей.

Желательно бы было в распределении оных следовать историческому порядку так, чтобы прогулка по галлерее статуй живо олицетворяла для нас историю Ваяния от начала до наших времен. Всякой, кто, хотя поверхностно, глядел на сей предмет, знает: сколько здесь разногласия во мнениях на счет стилей, времени статуй и проч. Безсмертный Винкельман испытал множество опровержений от опытного Гейне, от гениального скептика в истории искусств Рафаэля Менгса, и от множества антиквариев Италии. Не смотря на то, сколько можно, соблюдаем исторический порядок в распределении

произведений Ваяния.

I. Первое отделение сего Музея, как преддверие к блистательному искусству Греческому, составят памятники искусства Египетского и Этрусского. Оно олицетворит для нас первый период истории онаго, когда искусство, скованное цепями форм, издревле безусловно приятных, служило более символом религии, и, не имея развития свободного, заключало однако в себе зародыши будущего величия. Вход в сие преддверие украсится бюстом Винкельмана, как первого истолкователя искусства, отверзшаго нам сокровенный до-толе храм его. Это отделение, служа более средством к уразумению истинной красоты ваяния, не нуждается в излишней роскоши памятников, и потому ограничимся следующими: <...>.

II. Второе отделение изобразит переход от искусства символического к его совершенному и самостоятельному развитию и будет заключать в себе несомненные сокровища резца Греческого, как то: мраморы Египетские (в Минхенской Елипсотеке) и Парфенонские (оригинальные в Лондоне, но слепки с оных существуют и в Ватикане), Палладу из Виллы Албани и мнимую Весталку из дворца Барберини. Сюда же по стилю, а не по несомненной древности, отнесем и Колоссы Monte Cavallo.

III. Третье отделение представит блистательнейший цвет всего искусства древняго и будет содержать статуи всех богов, богинь, полубогов и героев мифологии древней. Согласно-

но с сею мыслию, оное отделение может быть наименовано Олимпом. К чести новейшаго искусства и для показания, как оно сравнилось с древним, подле произведений резца Ереческаго смело станут рядом лучшие произведения новейшаго ваяния. Вот сокровища, имеющие место в сем храме древняго мира. <...>

IV. Четвертое отделение будет содержать группы и олицетворяет тот период искусства, когда оно, сошед с величаваго спокойнаго Олимпа на землю, стало резцом выражать на мраморе страсти человеческия. К сему же отделению отнесем и статуи гладиаторов, тем более, что сам Винкельман в иных видит части групп, как напр<имер> в Борцах Флорентийских, которых он почитает чадами Ниобы, и в знаменитом Точильщике, коего именует рабом, по повелению Аполлона, точащим нож на Марсиала. Вследствие сего сюда войдут: <...>.

V. Пятое отделение составит из портретов и бюстов, оставленных древностию, и олицетворяет тот период искусства, когда оно обратило всю силу опытнаго резца на изображение личнаго человечества. Период сей, начатый Лизиппом, творцем бюста Александра Македонскаго, дает мысль украсить сию залу знаменитым барельефом Торвалдсена, представляющим торжество сего завоевателя. Сюда войдут: <...>.

VI. Шестое отделение должно изобразить нам Христианское Искусство, воскресшее под чудесным резцом Ми-

кель-Анжело, и потому будет заключать лучшая его произведения <...>.

VII. Седьмое отделение представит снова уклонение искусства от простоты Греческого и от пути, показанного Микель-Анжелом, к формам насильственным, искривленным, и олицетворяет век Бернини и его последователей. <...>

VIII. Наконец осьмое отделение представит нам в произведениях Кановы и Торвалдсена не только совершенное возвращение к простоте искусства древнего, но и преобразование оного при влиянии Религии Христианской. В произведениях первого увидим совершенство Праксителейой грации, угаданной великим художником; в произведениях второго высоту стиля Фидиева, освященную резцом Христианским. Сие отделение заключится Спасителем Торвалдсена, составляющим новую эпоху в истории Ваяния. Сюда же принадлежат и бюсты сих художников. Большая часть их произведений уже поставлена в предидущих отделениях: посему здесь ограничимся теми, которых идеалы взяты из мира Христианского. <...>.

[IX.] В особом девятом отделении будут находиться модели Колизея, Пантеона, Форума Римского, Помпеи, Геркуланума, Театра древнего, храма Пестумского, храма Агригентского в Сицилии, гробницы Сципионов, храма Св. Петра и проч. При Музее имеет быть библиотека, в которой должны находиться все лучшие руководства к изучению истории искусства и древностей, образцовые труды Флаксмана, гравю-

ры всех лучших галерей Италии и пр. и пр.

Что касается до копий Живописных, не предлагаем заранее разделения; ибо и предстоящее требует многого времени.

Желая разделить с своими соотечественниками впечатления прекрасной родины искусств, я принимаю на себя обязанность надзирать за приготовлением оных слепков и моделей. Будучи знакома с известными Европейскими художниками, каковы Торвалдсен, Каммучини и проч., с лучшими знатоками искусства, с артистами Русскими, при общем их руководстве, я надеюсь, что копии будут отличаться желанною точностью, а слепки живо представляют оригиналы. Знакомства же мои в Риме дают мне возможность иметь все за такую цену, какая берется только с самих художников, а не с частных лиц.

Перейдем к пособиям, необходимым для исполнения онаго проэкта. Если Московский Университет не имеет возможности отвести для сего отдельнаго здания, то положиться можно на щедрость наших вельмож: не благоволит ли кто-нибудь из сих мужей, известных своею любовью к искусству, до первой возможности Московскому Университету определить для онаго особое здание – (которое расположить бы должно было сообразно с начертанным планом) – отвести у себя в доме временную гостиницу для гипсовой колонии статуй? Сим уничтожится первая и главная трудность: найти место для Музея.

Суммы на собрание всех исчисленных памятников определить невозможно, ибо план сей начертан во всем обширном объеме истории Искусства; но, если ограничимся на первой раз одним Ваянием и в оном главнейшими и нужнейшими памятниками, то потребно для сего двадцать пять тысяч рублей. Для сношений же с художниками, мастерами, в разных городах, для заведывания суммы, расплаты, отчетов и проч. необходимо, чтобы Императорский Московский Университет выслал в Рим, как средоточие Италии и место моего пребывания, на шесть месяцев деятельнаго чиновника. На проезд его и шестимесячное пребывание здесь потребно не более трех тысяч рублей.

Но распространить оный Музей невозможно без пожертвований со стороны жителей Москвы, в пользу и удовольствие которых сие заведение учреждается. Должно надеяться, что они и в этом случае не изменят тому великодушному чувству, с каким всегда приносили добровольныя жертвы пользе общей. Должно надеяться также, что и Петербург, столько раз видевший от своей державной предшественницы историею прославленные свидетельства великодушия и самоотвержения — в этом случае деятельным содействием ознаменует свою любовь к просвещению. В сейто надежде имеет открыться добровольная подписка в пользу Музея; желающие могут жертвовать и самими произведениями. Тогда-то мало по малу будут исполняться в подробностях и прочия части плана, границы коего определя-

ются единственно щедростию пожертвователей, поелику источники искусства и древностей неистощимы. Если собранная сумма окажется весьма важною, то немедленно приступят к снятию копий с лучших образцов Живописи, и на первый раз можно будет заказать пять произведений из четырех главных Италианских школ, а именно:

1. Страшный суд, Микель-Анжело, как представителя Флорентийской школы <...>.
2. Успение Божией Матери, Тициана, как представителя Венецианской школы.
3. Преображение и Мадонну Сикстову, Рафаэля, как представителя Римской школы, и
4. Смерть Агнесы Доминикина, как представителя Ломбардо-Болонской школы.

Готовыя вещи будут отправляться морем с величайшею исправностию. Уже сделаны нужныя осведомления на свет проезда; и люди, мне знакомые, обещают доставлять предметы по тем же самым ценам, по каким они условливаются с артистами: выгода немаловажная! Г. Торвалдсен, пребывающий здесь в Риме, коему сообщено сие предприятие, с усердием обещает вспомоществовать исполнению онаго.

По прибытии сих произведений в Москву, имеет быть приглашен один из известных Ваятелей Петербургских, как напр. Г. Орловский или Г. Гольберг, для соединения рознятых частей и распределения предметов по указанному плану. На счет же Университета необходимо определить из чис-

ла его чиновников Инспектора Музея – и оный Музей имеет быть открыт два раза в неделю для людей всякого звания, а для художников ежедневно.

Остается желать, чтобы Императорский Московский Университет, всегда ревностный к пользе общей, не отстранил от себя новаго подвига во славу наук, ему по праву принадлежащаго, видя притом возможность исполнения онаго при счастливом стечении обстоятельств; чтоб Г. Московский Градоначальник, всегда неутомимо усердный ко благу древней Столицы, и Г. Попечитель сего Университета, от коего Москва ожидает новых подвигов к ея нравственному усовершенствованию, обратили внимание на сей проэкт – и чтоб любовь к искусству в жителях обеих Столиц пробудила и поддержала твердое рвение к исполнению онаго.

Зинаида Волконская

Зинаида Александровна Волконская (1792–1862), урожденная княгиня Белосельская-Белозерская, жена (с 1810) князя Н. Г. Волконского (брата известного декабриста), ставшего впоследствии флигель-адъютантом и егермейстером двора. Родилась она в Дрездене, где ее отец А. М. Белосельский был посланником при Саксонском дворе. Ее мать В. Я. Татищева умерла, когда Зинаиде было всего три года. Затем умер и ее отец, что ускорило замужество с Волконским. В 1811 году у них родился сын Александр, а вскоре она рас-

сталась с мужем.

После победы над Наполеоном, Зинаиду Волконскую, пользовавшуюся особой благосклонностью Александра I, сделали официальным представителем России на международных переговорах, призванных решить судьбу послевоенной Европы. И она с блеском выполнила возложенную на нее миссию.

С 1820 года Зинаида Александровна поселилась в Москве. Волконская была разносторонне одаренной женщиной: писательницей, композитором и великолепной певицей. Она дружила с Мицкевичем, Вяземским, Чаадаевым и многими другими яркими людьми того времени. С середины 1825 года в нее был безнадежно влюблен поэт Д. В. Веневитинов. Литературно-музыкальный салон Зинаиды Волконской на Тверской был заметным явлением в истории русской культуры. Как писал один современник: «Тут соединились представители большого света, сановники и красавицы, молодость и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома».

Еще до первой встречи с Пушкиным она его уже боготворила. «Какая мать зачала человека, гений которого весь – сила, весь – изящество, весь – непринужденность, который сам, то дикарь, то европеец, то Шекспир и Байрон, то Ариосто, то

Анакреон, но всегда остается русским», — писала она в октябре 1826 года. В том же году в присутствии Пушкина Зинаида Волконская своим великолепным голосом (у нее было звучное и полное контральто) спела его элегию «Погасло дневное светило...». Поэт был очень растроган. Она любила исполнять оперные партии, особенно итальянского композитора Россини. Русский язык Зинаида Александровна знала плохо и изъяснялась больше по-французски и по-итальянски. Ее фаворитом был флорентийский граф Риччи (Раччи), женатый на Е. П. Луниной (двоюродной сестре известного декабриста). Он был на 20 лет моложе своей жены, очень красив, обладал прекрасным романтическим баритоном и в основном занимался тем, что проматывал состояние жены, и когда это, наконец, произошло, бросил ее и уехал в Италию, где затем с ним воссоединилась и Зинаида Волконская.

Вообще до отъезда Зинаиды Александровны из России ее дом в Москве был, по сути, центром по оказанию помощи декабристам. Пушкин всячески поддерживал эту благотворительную деятельность и участвовал в проводах в Сибирь жен декабристов.

В мае 1827 года Пушкин передал Зинаиде Волконской свою поэму «Цыганы» вместе со стихотворением «Княгине З. А. Волконской».

Когда Пушкин в январе 1829 года на некоторое время уехал в Михайловское, она уговаривала его: «...Возвращайтесь к нам. Московский воздух легче. Великий русский поэт

должен писать или в степях или под сенью Кремля...» Сам же Пушкин писал тогда П. А. Вяземскому: «...Отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды. (Дай бог ей ни дна, ни покрышки; т. е. ни Италии, ни графа Риччи!)...»

Деятельность З. А. Волконской по поддержке декабристов была неужодна правительству. Во избежание проблем с властями в 1829 году она навсегда уехала из России в Италию, где приняла католичество и погрузилась в мистические увлечения. В память о Пушкине и Баратынском в парке своей римской виллы Зинаида Александровна соорудила колонну, увековечив на ней их имена. Умерла она в Риме в 1862 году. Ее идея «эстетического музея» стала вехой в предыстории пушкинского музея.

Михаил Погодин

Воспоминания о Степане Петровиче Шевырёве

Степан Петрович Шевырёв родился в Саратове 1806 года октября 18-го. Род Шевырёвых происходит от городских дворян Юрьева Подольского, из которых один переселился в Саратов и сделался родоначальником тамошней отрасли. Отец Степана Петровича, Пётр Сергеевич, служил по выборам в Саратове: четыре трёхлетия сряду губернским предводителем и одно трёхлетие совестным судьей. Он пользовался всеобщим уважением дворянства и купечества за свою справедливость и бескорыстие. Мать, Екатерина Степановна, из рода Топорниных, представляла образец семейных добродетелей.

Илл.8. Степан Шевырëв

Первоначальное воспитание Шевырёв получил в доме родителей. Когда старшим его братьям и сестрам пришла пора учиться, родители пригласили священника и учителя математики из гимназии и приняли в дом воспитателя и воспитательницу, г-на и г-жу Латомбель. Отслужен молебен, и старшие дети посажены за учебный стол. Меньшой, трёхлетний, Шевырёв расплакался, зачем ему не дали книги в руки. Француз испросил позволения посадить его за стол со своими учениками и сказал: «Он будет лучше всех».

Предсказание сбылось. Когда Шевырёву наступила пора учиться, он принялся с большою охотою. Отец и мать хвалили и любили его, но нисколько не баловали. Самое большое от матери состояло в том, что она в продолжении одного или двух дней не давала ему целовать свою руку. Он оставался в своей детской и горько плакат, пока не получал прощение от нежно любимой им матери. Скоро приохотился он к чтению; часто засыпал с книгой в руках или клал её под подушку, чтобы, проснувшись пораньше, читать в постели.

Отец Шевырёва знал и любил немецкий язык. Мальчик, чтобы доставить ему удовольствие, выучился во время его отсутствия читать по-немецки и по возвращении отца прочёл бойко целую страницу, что очень его утешило. По седьмому году читал он шестопсалмие за домашней всенощной. Десяти лет он писал уже правильно по-русски и поправлял ошибки у своей надзирательницы, которая обязана была да-

вать старикам отчёт о своих занятиях на русском языке. Он прочёл тогда Сумарокова, Хераскова и с особенным удовольствием повести Карамзина; любил читать по-славянски Евангелие, приискивая славянские слова, не совсем понятные, в церковном словаре Алексеева.

Саратовский театр доставлял ему большое удовольствие. Из первых наставников своих он с благодарностию вспоминал о священнике, теперь саратовском протоиерее, Ф. А. Вязовском, учившем его Закону Божию и русской словесности, о француженке А. Н. Латомбель, и об учителе рисования П. М. Сарнацком, который снабжал его книгами из своей и театральной библиотеки.

Детство своё Шевырёв проводил то в деревне, то в Саратове. С годами увеличивалась и охота к учению. Познакомясь с французским языком, он начал переводить Беркена, и в учебной комнате вскоре накопилась кipa его переводов. Наконец, он сочинил и свою драму, которая была им разыграна вместе с братьями и сестрами. В 1818 году, на 12 году возраста, Шевырёв привезён был матерью своею в Москву и отдан в университетский пансион. Директор пансиона, А. А. Прокопович-Антонский, вскоре заметил его, полюбил за прилежание и благонравие и принял под своё покровительство. Инспектор, И. И. Давыдов, также обратил на него своё внимание и много содействовал впоследствии его развитию и успехам, руководствуя занятиями, ссужая книгами для чтения, задавая предметы для сочинений и разбирая писателей.

Высшие классы пансиона имели тогда счастье пользоваться уроками лучших профессоров университетских. Может быть, методы учения у некоторых были не совсем удовлетворительны, или другие грешили иногда пропуском уроков, недостатком внимания; но, вообще, такие люди, как Мерзляков, Сандунов, Щепкин, Перевошиков, Павлов, Денисов, должны были иметь сильное влияние на молодёжь, и Шевырёву пансионский курс принёс большую пользу, положив прочное основание для будущего образования. Наказан был он только однажды во всё продолжение учения – учителем музыки. Из надзирателей своим нравственным и литературным влиянием ему были особенно полезны И. И. Палехов, И. Н. Басалаев, А. М. Гаврилов, В. В. Шнейдер и В. И. Оболенский, который снабжал его книгами из своей библиотеки. Из старших товарищей на него имели влияние А. И. Писарев своею критикою, кн. В. Ф. Одоевский своим слогом, Н. М. Антонский своею любовью к сценическому искусству. Сверстниками его, о которых он помнил с сердечным сочувствием, были: В. П. Титов, Д. П. Ознобишин, Н. Ф. Пургольд, Э. П. Перцов, П. Т. Морозов, П. А. Степанов. Библиотека пансиона, учреждённая для высших классов (начиная с четвертого), принесла большую пользу умственному образованию Шевырёва. В пятом классе он учредил вместе с товарищами, под наблюдением наставников, литературное собрание. Два рассуждения: «О бессмертии души», написанное в подражание Массильйону, и другое: «О поэзии», заслужи-

ли ему, вместе с товарищем его, поэтом Ознобишиным, звание авскультантов в литературном обществе высшего шестого класса, которое основано было Жуковским. Это общество много способствовало развитию в Шевырёве непрерывной умственной и литературной деятельности. Из пансиона он часто ездил в дом А. В. Евреинова, которого семейство заменяло ему на чужбине родную семью. Здесь видал он нередко В. П. Полякова, товарища Жуковскому по пансиону и переводчика многих романов Августа Лафонтена и Шписа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.